

THE USSR AND RUSSIA IN INTERNATIONAL POLITICS

DOI 10.15826/qr.2020.2.468

УДК 327(470)

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ДИАЛОГ С УИЛЬЯМОМ УОЛФОРТОМ ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЕ*

Андрей Сушенцов

МГИМО Университет,
Москва, Россия

RUSSIA'S FOREIGN POLICY AND STRATEGIC CULTURE: A DIALOGUE WITH WILLIAM WOHLFORTH ABOUT THE RESEARCH PARADIGM**

Andrey Sushentsov

MGIMO University,
Moscow, Russia

This article contains a talk between Andrey Sushentsov, head of the MGIMO University Institute for International Studies and Professor William Wohlforth, a leading American international relations theorist and one of the founders of neoclassical realism. Having received his PhD in Yale, Wohlforth began his career as a specialist on Russia. One of his key works is the study of the driving forces behind the foreign policy of early USSR. His studies have also focused on the issue of the global balance of power and super-power dynamics. Overall, Wohlforth has authored or edited nine books and some 60 articles or chapters on a wide range of topics from US foreign policy strategy to the Cold War. Thus, the changes in Russian foreign policy and its global influence have always remained in the focus of Wohlforth's attention.

* Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (договор № 14.641.31.0002).

** *Citation*: Sushentsov, A. (2020). Russia's Foreign Policy and Strategic Culture: A Dialogue with William Wohlforth about the Research Paradigm. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 369–381. DOI 10.15826/qr.2020.2.468.

Цитирование: Sushentsov A. Russia's Foreign Policy and Strategic Culture: A Dialogue with William Wohlforth about the Research Paradigm // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 369–381. DOI 10.15826/qr.2020.2.468 / Сушенцов А. Внешняя политика России и стратегическая культура: диалог с Уильямом Уолфортом об исследовательской парадигме // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 369–381. DOI 10.15826/qr.2020.2.468.

Wohlforth is currently a member of the Department of Government at Dartmouth College, mainly teaching and researching international security and foreign policy issues. Since 2018, he has been in charge of the Laboratory of International Trends Analysis at MGIMO which carries out applied research in the field of international issues. The talk considers issues concerning the strategic culture of Russian policy, focusing on the biographic and academic foundations of the scholar's interest in Russia, and his collaboration with Russian specialists.

Keywords: Russian foreign policy; international relations theory; balance of power; strategic culture.

Представлена беседа директора Института международных исследований МГИМО Университета Андрея Сушенцова и ведущего американского теоретика-международника, одного из основателей школы неоклассического реализма профессора Уильяма Уолфорта. Защитив диссертацию в Йеле, путь в науке Уолфорт начинал как специалист по России, а одной из его ключевых работ стало исследование движущих сил внешней политики раннего СССР. В его работах также затрагивались вопросы глобального баланса сил и динамики отношений между сверхдержавами. Профессор Уолфорт является автором или редактором девяти книг и порядка 60 статей или глав, посвященных широкому кругу вопросов – от внешнеполитической стратегии США до политики эпохи холодной войны. Изменения в российской внешней политике и степени влияния России на мировой арене неизменно оставались в фокусе внимания Уолфорта. С 2018 г. профессор Уолфорт руководит Лабораторией анализа международных процессов в МГИМО, где реализуются прикладные исследования международных проблем. В беседе затрагиваются вопросы стратегической культуры российской политики, раскрываются биографические и научные основы интереса американского исследователя к России, его взаимодействие с российскими специалистами.

Keywords: российская внешняя политика; теория международных отношений; баланс сил; стратегическая культура.

А. С. Как студенческие годы определили Ваш путь как ученого? Представляли ли Вы тогда свою карьеру иначе?

У. У. Мое обучение в небольшом колледже свободных искусств на Среднем Западе сыграло огромную роль. В Белойт-колледже была программа по международным отношениям с элементами политологии, экономики и истории. Я многие годы, если вообще не всю сознательную жизнь, интересовался международной политикой, так что поступление в колледж было сродни исполнению мечты. На вводном курсе по международным отношениям мы читали «Политические

отношения между нациями» Ганса Моргентау. Поначалу я эту книгу просто терпеть не мог! Она была написана тяжеловесным языком и казалась совершенно непонятной – Моргентау был свойственен этот европейский полный двусмысленностей стиль, кроме того, она была ужасно длинной, так что у меня была типичная реакция студента.

Однако со временем я обнаружил, что постоянно обращаюсь к ключевым теоретическим положениям из первой части этой книги в различных жизненных ситуациях: когда дискутировал с друзьями о международной политике в пабе, когда пытался понять, о чем читаю в газете, когда писал работы об актуальных событиях международной жизни в те годы. Я интуитивно постепенно осознал полезность теории и академического подхода для понимания предмета, которым я уже сильно интересовался, то есть международных отношений. Будучи студентом, я начал склоняться к общественно-научному подходу в противовес журналистскому.

Изначально я предполагал, что пойду в политику, может быть, буду заниматься вопросами глобального управления в каком-нибудь мозговом центре или неправительственной организации, но только не в академической среде. В то время в США (в 1980-е гг.) наблюдался резкий спад в количестве поступающих в высшие учебные заведения, так что на научную карьеру мало кто возлагал надежды. К счастью (учитывая, как я доволен своей работой), когда я в магистратуре изучал политикоориентированную программу, один из преподавателей сказал мне: «Почему бы тебе не получить PhD после магистратуры? Другого шанса у тебя не будет. Как только ты начнешь продвигаться в жизни – обзаведешься семьей и прочими обязанностями – у тебя уже вряд ли будет время на диссертацию, а в политике докторская степень не помешает. Может, просто подашь документы, а там посмотрим?» Так что я последовал его совету и был принят в Йель на кафедру политологии со специализацией на международных отношениях; с тех пор я, за исключением пары перерывов, был прочно связан с академической средой. Я очень благодарен тому преподавателю за его совет!

А. С. Почему Вы решили специализироваться на России? Как изучение российской специфики повлияло на Ваше понимание теории международных отношений?

У. У. Я включил в свою диссертацию по политическим наукам специализацию, тогда называвшуюся советологией, по более-менее прагматическим причинам: чтобы получить степень PhD в Йеле, нужно было либо владеть двумя языками, либо обойтись одним, но также много заниматься математическим анализом, теорией игр и статистикой, которая мне не очень нравилась. Я знал, что придется выбирать второй язык, и выбрал русский. Почему? Все-таки шла холодная война, СССР был нашим чрезвычайно могущественным и влиятельным главным противником, так что хотелось понять – насколько это было возможно со всеми присущими тому времени ограничениями –

как видят обстановку в Москве. Единственным способом сделать это было выучить язык и изучать источники, культуру, историю. Разумеется, в процессе всего этого я стал воспринимать русскую культуру, историю и литературу менее утилитарно, чем вначале.

Исследовать то, как устроен мир и как его воспринимают в других странах, в частности, в России, было крайне важно для выработки моего подхода к изучению международных отношений. Моя первая статья и моя первая книга были посвящены восприятию государственной мощи, они основывались на предположении, что если «мощь государства» и влияет на международную политику, то через призму восприятия и оценок лиц, принимающих решения относительно внешней политики государств. Количественные измерения мощи, к которым прибегали ученые того времени, лишь приближались к истинной искомой переменной, а именно к оценкам лиц, принимающих решения. Чтобы понять их, нужно в какой-то степени проникнуть вглубь политической и стратегической культуры страны, что я и воплотил на практике в своей первой статье о восприятии мощи российского государства периода Первой мировой войны [Wohlforth, 1987], а в своей первой книге я сопоставил восприятия мощи США и СССР во время холодной войны. Мой подход к использованию теории реализма, который в итоге можно было бы причислить к неоклассическому реализму, возник благодаря решению комбинировать исследование советской/российской региональной специфики с моим изначальным интересом к научному изучению мировой политики.

А. С. Возвращаясь к «старому мышлению», термину, который Вы использовали, чтобы описать советские внешнеполитические установки до Горбачева, как бы Вы определили актуальную стратегическую культуру России? Унаследовала ли она что-либо от своих предшественниц?

У. У. Большая часть моей книги *The Elusive Balance* посвящена достаточно значительным различиям между американской и советской стратегическими культурами, тому, как в них рассматриваются мир, динамика мощи, баланс сил в международной политике [Wohlforth, 1993]. Я думаю, эти различия со временем стали меньше, пусть и существуют до сих пор. У обеих сторон разные точки зрения, но я бы не сказал, что «старое мышление» сохранилось как таковое: в конце концов, я ввел этот термин для описания смешения старых российских геополитических установок с марксистско-ленинскими. Я склонен рассматривать сегодняшнюю российскую внешнеполитическую культуру как скорее реалистическую, со значительным влиянием геополитики, более сфокусированную на категориях пространства, центральности геополитических процессов в Евразии, если сопоставлять ее с западными реалистическими политическими культурами, но в целом я считаю, что у российской с ними много общего.

Наблюдателей часто удивляет значительный цинизм со стороны российской политической элиты относительно мотивов государств в международной политике, особенно западных. Будучи реалистом, я считаю, что этот цинизм зачастую уместен, однако иногда российские политики все же перегибают палку. Российскую политическую культуру с советской объединяет то, чем, откровенно говоря, немного страдают все страны, – склонность выделять в стратегической культуре те вещи, которые вашему государству хорошо удаются. Например, северные страны, Канада, все эти средние державы концентрируются на многосторонних форматах, и для них «делать добро в мире» – неотъемлемая часть внешней политики и мирополитических процессов. В США все говорят о технологиях, космической мощи и союзах – ни у одной страны нет такого количества военных союзов, как у США. В американской стратегической культуре приоритетны связи, формальные альянсы и все в таком роде.

В России фокус смещен в сторону того, чем она располагает в избытке, то есть в сторону территории и пространства, а также важности позиции в международной политике; для России типичны классические геополитические идеи, поскольку она расположена в сердце Евразии, а ее границы пролегают во всех ключевых регионах. Неудивительно наблюдать подобную линию в российской стратегической и политической культуре, но может возникнуть и недопонимание, когда представители разных политических культур в процессе взаимодействия имеют противоположные ожидания относительно своей мощи и подчеркивают значимость своих сильных сторон. Если взглянуть на восприятие угроз, каждая стратегическая культура по-своему обращается с этой проблемой, и российский взгляд сконцентрирован на инструментах управления огромным территориальным пространством и обусловленной данной необходимостью более заметной ролью государства, что на Западе иногда встречает непонимание. Несомненно, задача тех, кто изучает российскую внешнюю политику, – разъяснять подобные моменты, и, на мой взгляд, все качественные работы на эту тему позволяют студентам взглянуть на мир с российских позиций.

А. С. Не могли бы Вы подробнее разъяснить Ваше понимание стратегической культуры во внешней политике и применение исторического анализа к ее изучению?

У. У. Я определяю стратегическую культуру просто как ментальную модель мироустройства, разделяемую политической элитой. В международной политике много неопределенного и трудного для восприятия, поэтому ментальная модель служит для упрощения мира. В этой области не бывает уникальных решений, соответственно, рациональные люди могут различаться в плане своих реакций на стратегическую обстановку, так что стратегическая культура или ментальная модель в головах элиты будет оказывать существенное

влияние на реакцию на различные стимулы, вызовы и ограничения, которые предлагает международная ситуация. Ментальная модель, в свою очередь, в значительной степени определяется историческим и современным значимым для государства опытом. Невозможно понять внешнюю политику страны, если не попытаться проникнуть в ее глубинную суть, не постараться понять, и это неосуществимо без анализа ключевых исторических событий, которые определили положение государства в международной системе. В случае России для людей моего поколения, которые стали взрослыми в ходе поздней стадии холодной войны, полагаю, определяющим являлся тот факт, что они выросли в государстве, которое впоследствии развалилось у них на глазах. События конца холодной войны и следующие несколько лет, таким образом, будут крайне важны для людей моего поколения и старше, которые занимаются планированием и осуществлением российской внешней политики; эти события определенно наложили отпечаток на их картину мира.

А. С. В чем заключается «ловушка» для исследователя?

У. У. Можно выделить два типа ловушек, которые являются диаметрально противоположностями друг друга, и задача аналитика заключается в том, чтобы работать в пространстве между ними. Есть опасность так сильно проникнуться стратегической культурой изучаемой страны, что начинаешь принимать все, что тебе говорят, и приводить те же оправдания, что и власти этого государства, тем самым утрачивая объективность относительно изучаемой страны. Любое государство – лишь одно из многих; да, Россия – сверхдержава, и Америка – тоже сверхдержава. Конечно, они уникальны, но в конечном счете великая держава есть великая держава, и глубокое погружение в ее стратегическую культуру и исторический опыт не должны отменять твою способность посмотреть на ситуацию со стороны и сказать: «Стоп, а откуда мне знать, что в данных обстоятельствах любая великая держава не поступила бы так же?» Нужно бороться со склонностью принимать предлагаемые объяснения с нормативной и моральной точек зрения, пытаюсь понять их.

Понимание не равно поощрению, так что если я изучаю российскую внешнюю политику и пытаюсь объяснить, почему Россия так себя ведет, то это не значит, что я с ее действиями согласен или считаю, что это хорошо. Все-таки я американский гражданин, и моя работа заключается в том, чтобы держать в уме безопасность США и их национальные интересы; тот факт, что я очень стараюсь понять российскую картину мира, не значит, что я одобряю все действия России на международной арене. Другая ловушка – просто отрицать весь контекст и «натягивать» на изучаемую страну собственную картину мира. Эту ошибку часто совершают специалисты по России, когда они не могут поставить себя на место людей, ответственных за безопасность России, за предупреждение настоящих и будущих угроз бла-

гополучию жителей этой огромной территории. Из-за этой ловушки игнорируются те объяснения, которые происходят от стратегической культуры изучаемой страны. Фокус в том, чтобы сохранять свою объективность как аналитика и при этом быть способным понимать стратегическую культуру изучаемого государства изнутри.

А. С. Какие основные вызовы сегодня стоят перед исследователями российской внешней политики?

У. У. Существуют как внутренние вызовы в США, так и имеющие отношение к характеру российской политической системы. В США основные проблемы имеют институциональную природу, а именно постепенное отмирание регионоведения как подотрасли политической науки, так что для политолога достаточно трудно стать глубоким специалистом по российской внешней политике. В каком-то смысле молодой ученый обязан быть специалистом общего профиля, поэтому сложно освоить политологию, проектирование исследований, количественные методы и т. п., умудряясь находить время на изучение языка и региональной специфики, которые необходимы для того, чтобы стать настоящим экспертом по российской внешней политике. Мейнстрим внешнеполитических исследований в США отошел от изучения государства как такового и его действий на мировой арене, так что это можно отнести к внутренним институциональным препятствиям.

Главный внешний вызов, разумеется, лежит в исключительно централизованном характере российской политической системы, который подразумевает достаточно строгий контроль над информационными потоками, когда за СМИ следят гораздо более пристально, чем во многих других странах, так что получить данные, необходимые для заполнения пробелов в своей ментальной модели российской внешней политики, порой исключительно трудно. Даже среди наиболее информированных российских аналитиков существуют диаметрально противоположные взгляды на то, в чем заключается суть российского политического режима, что им движет, как власть распределяется в политической системе. Исследуя вопрос российских государственных интересов, можно натолкнуться на резко контрастирующие точки зрения. В этой связи есть искушение вернуться к клише о «загадке, спрятанной в тайну, упакованную в непостижимость», и гадать себе: «Кремлю нужно то, Кремлю нужно это». Я очень стараюсь избегать этого и честен со своей аудиторией в отношении ограниченности моих знаний.

А. С. Считаете ли Вы, что в профессиональном сообществе преодолели стереотип о России как о «загадке, спрятанной в тайну, упакованную в непостижимость» (У. Черчилль)?

У. У. Эта загадка может проявляться в двух формах. Она может выражаться как исключительно раздутые неприятие и подозрительность в отношении России или же как наивная склонность всегда

рассматривать Россию как только обороняющуюся невинную жертву в мире мировой политики – каким-то образом эта огромная могущественная страна, раскинувшаяся на несколько часовых поясов, оказывается бедной-несчастной заложницей интриг большого и страшного Запада. И того, и другого нужно избегать, и разумным аналитикам это удастся. Я стараюсь обращаться к хорошо информированным аналитикам в Москве и читать их комментарии. За время своей карьеры я составил список западных экспертов, которые, на мой взгляд, хорошо разбираются в вопросах российской безопасности и внешней политики, так что я полагаюсь на них, чтобы не удариться в стереотипы в отношении России.

А. С. Вы согласны с определением современного состояния российско-американских отношений как новой холодной войны?

У. У. Нет, не согласен. Я должен сказать, что испытываю огромное уважение к ряду ученых и аналитиков, которые проводят такую параллель и используют выражение «новая холодная война» (Боб Леволд, Стив Коэн), они замечательные люди и потрясающие специалисты, но я не могу с ними согласиться. В этом случае я опираюсь на саму теорию международных отношений, где холодная война выделяется по ряду специфических параметров и признаков, которые являются ключевыми для анализа межгосударственных отношений в долгосрочной перспективе. Если быстро сконцентрироваться лишь на двух, то я бы назвал мощь и идеологию. С точки зрения мощи для холодной войны было характерно биполярное распределение потенциала. Многие из черт данной геополитической ситуации имеют свои корни в концентрации основного материального ресурса в двух странах – США и СССР. В этом плане их мощь на глобальной арене превосходила всех возможных конкурентов в мировой истории.

Например, если взглянуть на развитие британо-германского соперничества в конце XIX – начале XX в., на соперничество России и Великобритании в Индии и Азии в XIX в., на франко-британский антагонизм в XVIII–XIX вв., то станет очевидно, что все они имели продолжительную историю, но они все же очень отличались от холодной войны, и именно для этого понадобилось ввести этот термин. Различие отчасти заключалось в невероятно большом отрыве США и СССР от остальных государств в плане их материального потенциала, что и стало одной из ключевых характеристик холодной войны.

Помимо других важных переменных, идеология и внутренняя политика также играют большую роль. Именно столкновение систем как таковых отличало противостояние во время холодной войны от других случаев межгосударственного антагонизма, в том числе и современного российско-американского. Различия в картине мира, убеждениях и идеологии между Россией и США сегодня гораздо менее фундаментальны, чем между США, представлявшими в XX в. так называемый «либерально-капиталистический мир», с одной стороны,

и революционными марксистскими идеями, которые были включены в советскую внешнеполитическую доктрину, с другой. Во времена холодной войны СССР позиционировал себя как наследника радикального марксизма, который содержал в себе идею революционного свержения текущего классового порядка в мире. С точки зрения современного человека следование марксистской идеологии XIX в. выглядит весьма странным: неужели люди в самом деле в это верили? Это можно долго обсуждать, но, главное, на международную систему оказывало сильное влияние существование общества, которое производило впечатление рабочей альтернативы рынку и частной собственности. Можно сколько угодно дискутировать о разногласиях России и США и о том, как их истеблишмент рассматривает роль государства в обществе и прочее, но все это меркнет в сравнении с фундаментальным столкновением идеологий и систем времен холодной войны.

Я не списываю со счетов заявления некоторых представителей российской стороны о том, что в России социальное устройство несколько иное – например, с более заметной ролью государства. Остается открытым вопрос, насколько в России довольны некоторыми правилами, которые США и их союзники стараются внести в международный порядок, – концепцией «обязанности защищать», другими поправками к международному праву, которые привели бы к ограничению государственного суверенитета ради защиты прав человека, и другими. Но сравнивать эти разногласия с холодной войной – значит оказывать дурную услугу ответственному анализу. Поэтому, какими бы плохими ни были российско-американские отношения, они не обладают необходимыми параметрами холодной войны. В заключение хочу отметить еще одно ключевое различие, которое происходит от обеих переменных, а именно «центральность» обеих стран во внешней политике соперника. Учитывая распределение мощи в мире и тот факт, что оба государства позиционировали себя как аватары и ключевые представители своих идеологий, противник автоматически становился центром внешнеполитической картины мира. У них просто не было свободы выбора, настолько они хотят концентрироваться на оппоненте.

Сегодня и в России, и в США слышны подобные высказывания: «Они нам безразличны, мы просто будем выстраивать свою политику без оглядки на них, они нам надоели, они не делают нужных уступок, так что мы от них отвернемся». Это часто можно услышать от американцев, которые говорят, что Россия не является восходящей державой, поэтому нужно переключиться на Китай. Это так же часто можно услышать в России: «С Западом для нас все кончено, мы от них устали – лучше обернемся на Восток к нашему ключевому партнеру Китаю». Во время холодной войны рассуждать подобным образом было невозможно ввиду тех глубинных структурных причин, что я привел выше. Поэтому я нахожу сравнение современной ситуации с холодной войной скорее вводящим в заблуждение.

А. С. В совместной со Стивенем Бруксом книге “*The World out of Balance*” (2008) Вы утверждали, что превосходство США не может быть оспорено другими игроками. Спустя более чем десять лет Ваше мнение не изменилось?

У. У. Ответ на этот вопрос содержится в нескольких свежих публикациях, в частности, в моей с Бруксом книге *America Abroad: Why the Sole Superpower Should Not Pull back from the World*, которую мы опубликовали несколько лет назад [Brooks, Wohlforth, 2016a]. Мы также написали статьи на смежные темы в *Foreign Affairs* [Brooks, Wohlforth, 2016b] и *International Security* [Brooks, Wohlforth, 2015/2016]. Отчасти эти работы обновляют выводы, сделанные в *The World out of Balance*. Будучи посвященными глубокому анализу распределения мощи на мировой арене, они подтверждают главный тезис этой книги: США – единственное в мире государство с материальным потенциалом для статуса сверхдержавы в глобальном смысле этого слова в противовес толкованиям в региональном измерении. Мы все еще настаиваем, что не считаем возможным появление в кратко- или среднесрочной перспективе, то есть в ближайшие 10–20 лет, равной США сверхдержавы. Но отрицать зарождение второй сверхдержавы не значит отрицать изменения в распределении мощи.

Несомненно, Китай продолжает свое восхождение и укрепился значительно сильнее, чем мы могли предвидеть в *The World out of Balance* [Brooks, Wohlforth, 2008]. Российская Федерация тоже усилила свои позиции и преодолела многие слабости, которые были ей присущи в 2007 г. Кроме того, США сами наносят удары по своему положению – мы наблюдаем новые внутренние причины возникновения слабости и неспособности реагировать на вызовы на глобальном уровне. Ключевые союзники США, в особенности европейские страны, также страдают от внутренних проблем, которые мы не затронули. Если скомбинировать все эти изменения – рост Китая, повторное укрепление позиций России и ее возрастающие организационные и государственные ресурсы, комплексные вызовы в Европе и собственноручно созданные проблемы внутреннего плана, заставляющие США в некотором роде забросить своих партнеров, – становится очевидно, что как в области материального потенциала, так и в сфере внутренней политики перед США стоят гораздо более серьезные вызовы при реализации их стратегии «глубокого реагирования», чем мы это отразили в *The World out of Balance*. По этой причине я и моя коллега Дженнифер Линд в недавней статье для *Foreign Affairs* высказали позицию, что США пора перенаправить свою большую стратегию в консервативное русло ради сохранения своих позиций и однозначно отказаться от расширения системы военных союзов и распространения своего видения мирового порядка, перейти из режима экспансии в режим сохранения [Lind, Wohlforth, 2019]. Это было не настолько ясно выведено в *The World out of Balance*.

Возможность консервативного развития американской магистральной стратегии была озвучена в последней главе *America Abroad*. По этой причине считать, что в мире только одна сверхдержава в нашем понимании этого термина, которая останется единственной в своем роде в ближайшем будущем, не значит утверждать, что не произошло изменений в мировой политике и распределении мощи, так что менять американскую глобальную стратегию нужды нет. Напротив, имели место существенно важные изменения, которые привели к ослаблению позиций США, и в стратегии должен быть предусмотрен равноценный ответ на это.

А. С. Как сотрудничество с российскими коллегами помогает Вам в Ваших исследованиях?

У. У. Я общаюсь с людьми, которые способны осваивать новый материал, применять его к новым областям, ставить важные исследовательские вопросы, проводить анализ, иногда используя совершенно не знакомые мне методы, так что наше взаимодействие можно охарактеризовать как взаимное обучение.

Я думаю, что могу дать хороший совет, как провести исследование от концепции к публикации через соответствующее планирование и анализ, но по ходу работы я много узнаю от людей, которых обучали совсем не так, как меня в свое время, или которые являются продуктом совсем другой системы образования. Кроме того, помимо команды умных, молодых и целеустремленных российских ученых, с которой я счастлив сотрудничать, есть множество людей, обладающих исключительными знаниями о специфике российской внешнеполитической кухни, об исторической и мирополитической школе в России и актуальных политических событиях на постсоветском пространстве, в том числе и в их евразийском разрезе, который важен для российской внешнеполитической стратегии.

Ученые, с которыми я сотрудничаю в России, применяют эти знания к мировой политике и видам исследований, которые находятся в мейнстриме, но не анализировались с подобных точек зрения; российский опыт, российская региональная перспектива и интеллектуальная традиция существенно отличаются от тех, что преобладают в мире, к которому я привык.

Наконец, этот критический и зачастую остроумный взгляд извне на доминирующие теории позволяет моим российским коллегам ставить очень уместные вопросы и продвигать исследования в новых направлениях. Они замечают некоторую предвзятость в англоязычных журналах США и Европы и поднимают проблему литературы в очень неожиданной, но от этого не менее важной манере, заставляя тебя переосмыслить, какова может быть природа скрытой необъективности в данных академических работах.

Подводя итоги, я постоянно оказываюсь перед новыми перспективами и новыми вызовами. Если честно, то моя работа в Москве

с российскими коллегами меня страшно выматывает! Я иногда даже начинаю переживать, а не старею ли я, поскольку мы идем в очень интенсивном темпе, и я окружен исключительно одаренными и упорными людьми.

А. С. Как бы Вы в целом оценили будущее исследований о России в академической среде?

У. У. Частью нашего сотрудничества является применение теории международных отношений с целью обогащения анализа опытом российской внешней политики и евразийских геополитических процессов, и наоборот, то есть мы пытаемся рассматривать ближайшее окружение России и ее взаимодействие с соседями, чтобы анализировать, проверять и развивать ключевые положения теории международных отношений.

Это очень богатое и преимущественно нетронутое поле для исследований. Я надеюсь, что мы будем успешно публиковаться, что позволит отразить связь российского опыта с основными теоретическими постулатами, и что мы таким образом продемонстрируем академическому сообществу перспективы уделения России большего внимания при развитии и проверке теорий в сфере науки о международных отношениях.

А. С. Считаете ли Вы, что то внимание, которым сейчас пользуется российская внешняя политика, приведет к новому пониманию России в теории международных отношений?

У. У. Я более пессимистично настроен в отношении начала некоего ренессанса, который продвинет на передовую исследований в области международных отношений и теории международных отношений Россию, ее внешнюю политику и ее опыт взаимодействия с международной системой.

Некоторые причины я уже озвучил: регионоведение как таковое утрачивает свою привлекательность, так что сочетать качественную экспертизу по какому-либо региону с другими требованиями продвижения к вершинам академической карьеры в области исследований международных отношений в США и в меньшей степени в Европе очень непросто, это практически несочетаемо. По сути, международные отношения сконцентрированы вокруг власти, а на нее в значительной мере оказывает влияние восприятие геополитических границ. Разумеется, с геополитической точки зрения значение России за последние десять лет существенно выросло, соответственно, люди стали уделять ей больше внимания и выпускать больше статей на российском материале или посвященных российским кейсам. Но в итоге все это – лишь бледная тень того, что пишут о Китае. Это единственное исключение в тренде отхода от регионоведения, о котором я говорил ранее. Если попробовать оценить количество работ о восхождении Китая, которые более-менее попадают в категорию

литературы о международных отношениях, то их попросту не пере-
честь. Я не наблюдаю схожего повышенного внимания к изучению
России, что, на мой взгляд, весьма прискорбно, но это отражение кол-
лективной оценки политологическим сообществом того, что сейчас
важно в международных отношениях.

Но в завершение я хотел бы сказать, что верю в некоторое повыше-
ние интереса к российскому опыту в исследованиях по той простой
причине, что Россия играет гораздо более важную и противоречивую
роль на международной арене, чем десять лет назад. Это неизбежно
привлекает внимание, что совершенно оправданно, ведь исследова-
ния должны быть релевантны по отношению к современной внешней
политике и вносить веский вклад в актуальный дискурс, в центре ко-
торого зачастую оказывается именно Россия.

Список литературы

Brooks S., Wohlforth W. World Out of Balance: International Relations and the
Challenge of American Primacy. Princeton : Princeton Univ. Press, 2008. 248 p.

Brooks S., Wohlforth W. The Rise and Fall of the Great Powers in the Twenty-First
Century: China's Rise and the Fate of America's Global Position // *Quarterly J.: Intern.
Security*. Winter 2015/2016. № 40 (3). P. 3–53.

Brooks S., Wohlforth W. America Abroad: Why the Sole Superpower Should Not Pull
Back from the World. N. Y. : Oxford Univ. Press, 2016a. 288 p.

Brooks S., Wohlforth W. The Once and Future Superpower: Why China Won't Overtake
the United States // *Foreign Affairs*. 2016b. № 95 (3). P. 91–104.

Lind J., Wohlforth W. The Future of the Liberal Order is Conservative: A Strategy to
Save the System // *Foreign Affairs*. 2019. № 98 (2). P. 70–81.

Wohlforth W. The Perception of Power: Russia in the Pre-1914 Balance // *World
Politics*. 1987. № 39 (3). P. 353–381.

Wohlforth W. The Elusive Balance: Power and Perceptions during the Cold War. Ithaca :
Cornell Univ. Press, 1993. 317 p.

References

Brooks, S., Wohlforth, W. (2008). *World Out of Balance: International Relations and
the Challenge of American Primacy*. Princeton, Princeton Univ. Press. 248 p.

Brooks, S., Wohlforth, W. (2015/2016). The Rise and Fall of the Great Powers in the
Twenty-First Century: China's Rise and the Fate of America's Global Position. In *Quarterly
J.: Intern. Security*. Winter. No. 40 (3), pp. 3–53.

Brooks, S., Wohlforth, W. (2016a). *America Abroad: Why the Sole Superpower Should
Not Pull Back from the World*. N. Y., Oxford Univ. Press. 288 p.

Brooks, S., Wohlforth, W. (2016b). The Once and Future Superpower: Why China
Won't Overtake the United States. In *Foreign Affairs*. No. 95 (3), pp. 91–104.

Lind, J., Wohlforth, W. (2019). The Future of the Liberal Order is Conservative:
A Strategy to Save the System. In *Foreign Affairs*. No. 98 (2), pp. 70–81.

Wohlforth, W. (1987). The Perception of Power: Russia in the Pre-1914 Balance.
In *World Politics*. No. 39 (3), pp. 353–381.

Wohlforth, W. (1993). *The Elusive Balance: Power and Perceptions during the Cold
War*. Ithaca, Cornell Univ. Press. 317 p.

The article was submitted on 27.09.2019